

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

УП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН
(КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

1971

Все рассказы, за исключением входящих в 2I раздел, построены совершенно одинаково: сначала идет имя героя рассказа, указывается откуда он родом (ср. рассказы в дунхуанских фрагментах)⁵, затем излагается сам рассказ. В самом конце рассказа обычно указывается, откуда извлечен эпизод, послуживший основой для рассказа, например, "Хань шу", "Хань Фэй цзы" и т.д.

Тангутский текст "ЛК" представляет интерес, во-первых, как перевод утраченного китайского текста. Во-вторых, учитывая характер текста, можно предположить, что язык "ЛК" является более живым, чем язык уже исследованных переводов (китайская классика и "Сунь цзы"), что, вероятно, даст новые данные для изучения тангутской грамматики.

1) Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. М., 1963, 40.

2) См., например: 藝文志二十種綜合引得. Сер. 引得, 第十號. 北平, 1933, 第四冊, 272.

3) 張滌華. 類書流別. 上海, 1958, 57.

4) Проф. Кавагути придает большое значение этой энциклопедии, считая ее одним из основных источников сюжетов как для китайской, так и для японской литературы. Статья проф. Кавагути, посвященная публикации и описанию фрагментов "ЛК", находится в печати.

5) Л.Н.Меньшиков. Фрагмент неизвестной лэйшу из Дунхуана. КСИНА, № 69. Описание рукописей и ксилографов Института народов Азии. М., 1965, 77.

6) Здесь и далее в фигурные скобки заключены не отождествленные имена. Известно, какие тангутские иероглифы передавали те или иные китайские фамилии. Например, иероглиф 𑖑𑖔𑖓^1 мог быть транскрипцией фамилий 王 Ван или 陽 Ян. Если имя не отождествлено и соответствующие китайские иероглифы неизвестны, дается приблизительная русская транскрипция имени.

С.Г.Кляшторный

ТЕМИРСУГСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ

Летом 1970 г. один из отрядов Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР (начальник экспедиции - А.Д.Грач) вел работы на правом берегу р. Улут-Хем (Верхний Енисей), у юж-

ных склонов Увкского хребта. В долине притока Улуг-Хема, р. Темир-Суг, примерно в 1,2 км от ее устья, расположен могильник из нескольких десятков курганов скифского и кыргызского времени. Среди них тувинским археологом А.И.Самбу была обнаружена стела (1,6 x 0,8 x 0,2) с небольшой рунической надписью и тамгой на одной из узких граней. Начало надписи, ее первая строка, состоит из 9 сравнительно крупных знаков, еще 49 знаков меньшего размера расположены в две строки.

Тамга

1)

Текст:

- (1) bǎg saɣun ǎr atum
- (2) saɣun tutuq bǎn
ury ũčŭn bǎŋŭ tikǎ bǎrdim
- (3) kǒk tǎnridǎ kŭn aj azydum

Перевод: I(1) Мое геройское (мужское) имя Бег-сангун.
 (2) Я. Сангун-тутук, для [своего] мужского потомства воздвиг (этот) памятник.
 (3) Солнце и луну на голубом небе я не стал ощущать (т.е. умер).

Содержание надписи трафаретно, и она ничем не выделяется из круга енисейских надгробных памятников УШ-ХП вв. Почетное имя ее героя, состоящее из трех титулов, Бег-сангун-тутук, ранее в енисейской эпиграфике не встречалось, хотя каждый из этих титулов достаточно распространен.

Вопросы датировки памятников Енисея относятся к числу самых трудных, и новая находка не облегчает положение. В.В.Радлов и С.Е.Малов, не находя датирующих моментов в содержании надписей, основывали датировку на палеографических признаках и суммарно датировали этот тип рунического письма УП-УШ вв. или даже У-УІ вв. Но палеографическая датировка письма оказалась ненадежной; благодаря работам Л.Р.Кызласова (1960, 1965) для этой цели был применен археологический критерий. Основная масса памятников вполне основательно датирована Л.Р.Кызласовым УШ-ХП вв.; он же сделал попытку датировать и каждый памятник. В основу датировки Л.Р.Кызласов положил разработанную им типологию тамговых знаков, всегда сопутствовавших эпитафийным надписям.

Тамговые знаки зафиксированы прежде всего как родовые и племенные знаки собственности (ими клеймили скот). Затем они превращаются в родоплеменной символ. Обе эти функции тамга сохранила у тюркских и монгольских народов вплоть до недавнего времени. Однако, по мнению Л.Р.Кызласова, тамги енисейских памятников являются лично-семейными эмблемами крупных феодалов, наследственных владельцев шести феодальных уделов, на которые делилось государство древних кыргызов (по Кызласову — хакасов). При такой постановке проблемы, тамги, выстроенные в типологический ряд, позволяли определить приближенную дату каждого памятника. Естественно, вследствие личного характера каждой тамги, на погребальном памятнике она могла появиться только однажды, что и явилось условием существования всей типологии тамговых знаков по Л.Р.Кызласову.

Между тем, точно такая же тамга, как и на Темирсугском памятнике, ранее была зафиксирована самим Л.Р.Кызласовым на пятом Чавахольском памятнике, расположенном в непосредственной близости к Темир-Суугу и датируемом Л.Р.Кызласовым началом X в. Имя героя Чавахольского памятника — Тюз-бай Кюч-барс.

Таким образом, теперь зафиксированы два памятника, установленные в честь двух разных лиц примерно в одном районе и несущие одинаковую тамгу. Если это совпадение не получит какого-либо иного объяснения, следует вернуться к истолкованию тамг на енисейских памятниках как родоплеменных символов, а усложнение каждого прототипа объяснять естественной сегментацией родовых (большесемейных?) групп. Впрочем, темп такой сегментации может не намного отличаться от темпа смены поколений; тогда датировки памятников по Л.Р.Кызласову сохраняют свое значение. Изменится лишь представление о социально-политической специфике государства древних кыргызов. Вряд ли возможно выделять его из синхронического ряда древнетюркских государственных образований Центральной Азии по степени продвинутости в развитии феодального строя. Ранним формам феодальных отношений в Кыргызском государстве сопутствовала та же архаика родоплеменных связей внутри общества, что и у его соседей.